

Лада Зорина

Лада Зорина

Измена. (не) Любимая жена

<https://litres.ru/74214284>

Аннотация

— Уходи, Лиля. Немедленно! — Герман, что... — Я сказал, убирайся! — рычит муж, указывая мне на дверь. — Поговорим дома. Я смотрю в родные глаза. Я их не узнаю. А со смятых простыней на меня по-кошачьи щурится его подруга детства. Мне кажется, я умираю.

За что он так со мной?.. Он меня разлюбил? Если так, нам лучше расстаться! Но муж заявил, что никуда меня не отпустит. Потому что всё хуже, чем я предполагала. Муж мне мстит. Мстит за грехи, которых я не совершала.

♥# властный и brutальный герой ♥# нежная героиня ♥#
очень эмоционально ♥# ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	56
Глава 13	60
Глава 14	65
Глава 15	69
Глава 16	73
Глава 17	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

— Лиля Сергеевна, вам лучше... лучше туда не идти, — бритоголовый Сашка возвышается надо мной, преграждая путь в коридор.

На круглом добродушном лице читается искренняя обеспокоенность, почти сочувствие.

И мне это совершенно не нравится.

Я судорожно прижимаю к боку сумочку и чувствую, как холодит через тонкий свитер лёгкий плащ, намокший от долго собиравшегося над городом дождя.

— Саш... — голос у меня до противного тонкий, едва ли не заискивающий. Я боюсь своих предположений. — Саш, что там?..

Грамотно сформулировать недоумение не получается. Мысли путаются, к горлу подступает комок.

Потому что я видела второе авто у подъезда. И я знаю, кому он принадлежит.

Потому что десять минут назад дежуривший внизу на парковке охранник, заведя меня, приподнял светлые брови и неуверенно улыбнулся:

— Добрый день! Надо же, а я совсем недавно мужа вашего видел. Думал, он с ва...

Охранник осёкся и даже побледнел, сообразив, что проговорился.

— Добрый, — пробормотала я и кинулась к парадной, потом — к лифтам, и наверх, к обычно пустовавшей квартире. В Москве мы бывали только наездами, когда Герману требовалось подолгу присутствовать в офисе, решая дела по работе.

Но квартира содержалась в чистоте и порядке. Хозяева могли нагрять в любое время. Вот как сейчас.

Я смотрела на охранника, испытывая почти противоестественное желание сдать на его уговоры. Развернуться и просто уйти.

Чтобы не слышать, не видеть, не знать.

Но моя нерешительность длится всего пару мгновений.

Да если я сейчас уйду, я жить не смогу дальше!

Я должна быть уверена. Я должна. Я себе это должна, не кому-нибудь.

— Саш, отойди.

— Лиля Сергеевна...

— Он тебе приказал? Распорядился никого не пускать?

Охранник помотал головой.

— Да н-нет. Нет. С чего бы ему... мы же... он же... ну, никого ведь не ожидали.

Да, вот так. Никого не ожидали. А тут такая внезапность — жена.

— Ясно, — я стиснула ремешок сумочки. — Тогда отойди. Отойди, Саш. Отойди, бога ради. Ты уже ничему не можешь. Просто... не мешай, хорошо? Я тебя очень прошу.

Пожалей меня. Не мешай.

Сашка стоически держится пару лишних мгновений, но бросив на меня последний сочувственный взгляд, всё-таки отступает.

Я вынимаю из кармана карточку-ключ и киваю ему:

— Спасибо.

В просторной прихожей последние сомнения рассеиваются — к дизайнерскому пуфу на полу небрежно прислонены чёрные женские туфли.

Сердце рванулось, больно заколотилось о рёбра. А в отдалении по направлению к спальням уже слышатся приглушённые голоса.

Я не трачу время на то, чтобы разуться. В конце концов я здесь совсем ненадолго.

Из гостиной тенью прокрадываюсь в коридор, пересекая его и безошибочно толкаю одну из дверей — в хозяйскую спальню.

И очень вовремя.

Прямо передо мной — наша постель, где уютно устроилась рыжеволосая стерва с телом богини. Марина Игнатьева — давняя и близкая подруга моего мужа.

А мой муж выходит из гардеробной, натягивая на себя чистую рубашку. Чёрные волосы влажно блестят после душа. Он мрачен, Марина жмурится от пережитого удовольствия.

Моё сердце идёт уродливыми трещинами, лопается и сыплется в чёрную пустоту.

— Господи... — сиплю я, мигом теряя голос.

Муж вскидывает голову. Глаза рыжеволосой богини превращаются в плоски.

Я силюсь что-то сказать, но не получается. Хочу закричать, может, даже заплакать, но онемела вконец.

Герман первым приходит в себя. Отнимает пальцы от пуговиц. Его лицо вконец темнеет, каменеет тяжёлая челюсть, а в синих глазах стынет ярость.

— Уходи.

Я даже не сразу соображаю, что он это мне. Не рыжей бесстии, бесстыже развалившейся на нашей постели.

— Ч-что?.. — я смотрю на него во все глаза, не веря ушам.

— Уходи, Лиля. Немедленно! — он сосредоточен только на мне, будто женщины, с которой мне только что изменил, вовсе нет в спальне.

Я на миг выхожу из тошнотворного ступора:

— Герман, что...

— Я сказал, убирайся! — рычит муж, указывая мне на дверь. — Сейчас же! Поговорим дома.

Я смотрю в родные до боли глаза. Я их не узнаю.

А со смятых простыней на меня по-кошачьи шурится его подруга детства.

Мне кажется, я умираю.

Даже дышать становится в труд.

— Герман... — томно отзывается рыжеволосая.

— Заткнись! — рывкает муж. — Не смей в это лезть.

И вновь переводит взгляд на меня. Его голос непостижимым образом выравнивается. Он чувствует меня, он знает меня. Он слишком хорошо меня знает. И он даёт мне понять, что сбежать не получится. Его пристальный взгляд сам рычит на меня: «Даже не думай!»

— Лиля, езжай домой, — чёткий приказ. — Там всё обсудим.

Мой взгляд мутнеет от слёз. Я ничего больше не вижу — ни Германа, ни его любовницы. Ни своего будущего.

Разворачиваюсь.

И бегу.

Бегу, хоть и знаю — от него бежать бесполезно.

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/49VI>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не

сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы рас-
стались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения.
Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные
отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Лиля! — его голос ещё гремел у меня в ушах, пока я неслась вниз.

Но я всё-таки слышала, как муж спешно отдавал какие-то приказы охраннику.

Герман ненавидел, когда я убегала. В начале наших отношений даже воображал, что я вот так когда-нибудь от него и скроюсь, растворюсь, исчезну из его жизни, потому что поначалу перспектива быть вместе с ним меня откровенно пугала.

И на то были причины. Тысяча с лишним причин.

Потому что наш брак был неравным с самого начала. Но тогда я всё-таки не считала, что неравен равно обречён.

А теперь...

Я кое-как добралась до парковки, где собиралась вызвать такси. Но тут Сашка меня наконец-то догнал, тронул за вздрогнувшее плечо — осторожно, но всё же достаточно крепко, чтобы я и помыслить не могла продолжать свой побег.

Мы шумно переводили дыхание и какое-то время не могли говорить.

— Я вас... не оставляю, — охранник, конечно, намного быстрее отошёл от этой бешеной скачки по этажам.

Ошарашенная увиденным, я и не подумала дожидаться

лифта, а он, наверняка следуя указаниям Германа, помчался следом за мной.

Сумасшествие. Мы летели с самого тринадцатого этажа! Это чудо, что я ни разу не споткнулась и не расшиблась насмерть.

— Пойдёмте, — он чуть сжал моё плечо. — Я вас домой отвезу.

— Саш... н-не надо.

— Лиля Сергеевна, ваш муж пригрозил с меня живьём шкуру содрать, если на вас хоть царапинка будет, — нажаловался охранник. — Себя не жалеете, так хоть меня пожалейте.

Я наконец-то выдохнула, прекратив хватать ртом воздух.

Надо же, сколько заботы... Что же он её не проявлял, когда со своей Мариной в одну постель ложился. В нашу постель!

Произошедшее начинало меня догонять, впивалось отравленными иглами, пыталось картинками увиденного.

Игнатьева недолгое время с ним всё же встречалось. Ещё в универе. Потом их пути разошлись — по инициативе Германа. Он до того погрузился в строительство своей бизнес-империи, что несколько лет и не помышлял о личной жизни — дневал и ночевал в офисе и гостиницах, мотаясь по бесконечным деловым встречам и открывая международные филиалы. Но насколько я знала, Игнатьева его всё это время ждала. Не теряла надежды на его возвращение.

Не знаю... может быть, он и вернулся бы.

Но встретил меня.

Новая отравленная игла вошла в сердце.

Я отлипла от места и всё-таки побрела вместе с Сашкой к парковке, где стояло авто моего мужа. Видимо, он воспользуется водительскими услугами своей любовницы. Очень удобно. Вот я машину водить так и не научилась...

Я скукожилась на заднем сиденье, Сашка сел за руль, и автомобиль мягко тронулся, увозя меня из столичного ада.

Когда они снова сошлись? Когда это случилось?

Я пыталась припомнить хоть какие-то тревожные звоночки. Хоть какие-то намёки на то, что у него появилась другая.

Мне ни-че-го не приходило на ум.

— Может, водички? — не отрываясь от дороги, Сашка протянул мне бутылочку непечатой минеральной воды.

Я сцапала её, тихонько поблагодарив. У меня ведь и правда горло спеклось и саднило, хоть выкричатся я и не выкричалась...

Сделав пару глотков, положила бутылку рядом с собой и снова задумалась.

Всё, что приходило на ум, тот дурацкий корпоратив пару недель назад. И ведь я знала, что затея ему не понравится, но продолжала стоять на своём.

Потому что мне важна хотя бы иллюзия независимости. Я хотела продолжать работать в своей крохотной фирме по продаже цветов. Чтобы никто мне не пенял, что я вышла за-

муж за деньги. Что я с ним лишь потому, что Герман Ахматов — завидный трофей, и любая почла бы за честь даже просто погреть постель красавцу-миллиардеру.

И я много раз это ему объясняла.

— Да какая тебе разница, что и кто думает? — твердил мне муж, сжимая меня в объятиях, в которых я неизменно таяла. — Мы не живём для кого-то и с чьего-то там одобрения. Мы живём для себя! Ну, разве что я живу ещё и для тебя.

И я всегда этим его словам возмущалась, пытаюсь ему доказать, что и я вообще-то живу для него. Что нельзя быть таким эгоистом.

И всё заканчивалось новыми объятиями и поцелуями. Мы знали, что это правда. Что чужая молва нам не указ. Что пока мы вместе — мы всё преодолеем. Потому что заплатили высокую цену за наше счастье. Мы через столько за это время прошли — через ненависть всех, кто нас окружал, через чужую зависть, ревность и сумасшедшие сплетни...

И что нас в итоге сломало?

То, в чём я мужа могла заподозрить в последнюю очередь.

Но одно короткое сообщение сегодняшним утром раскололо мою жизнь на две неравные части...

Удивительно, но стоило об этом подумать, как Сашка снова заговорил, и голос его звучал напряжённо:

— Лиля Сергеевна, вы извините, что потревожу... А как вы вообще разужнали, что Герман Александрович сегодня в

столицу приедет?

Дорогие друзья! Большое спасибо за ваши первые звёзочки и комментарии. Очень надеюсь, что новая история вам понравится. :)

Глава 3

— Лиля Сергеевна, вы извините, что потревожу... А как вы вообще разузнали, что Герман Александрович сегодня в столицу приедет?

Мой водитель не отрывал взгляда от дороги, но время от времени всё-таки поглядывал на меня в зеркало заднего вида.

Разузнала... Я, может, даже сподобилась бы горько усмехнуться, если сумела бы. Но у меня все мышцы лица судорогой стянуло. Будто я вся-вся застыла с тех пор, как моё сердце лопнуло и раскололось на миллионы осколков.

— Я ничего не разузнавала. Так... получилось. Случайно.

И нарочно такую случайность вряд ли придумаешь. Какой-то доброжелатель, видимо, постарался.

Мне в мессенджер скинули голосовое сообщение. Сообщение от моего мужа. И это не он ошибся получателем, потому что контакт был анонимный и в моём списке не значился.

Сообщение короткое, ясное, не оставлявшее простора для особых фантазий. И предназначалось оно совершенно точно не мне:

«Я уже в Москве. Будь готова. Встречаемся у меня на квартире часа через два».

Встреча. На квартире. Это при том, что у него одних

офисных зданий в столице с полдюжины. И дураку ведь понятно, что речь не о деловых переговорах.

Но дело даже не в этом. А в том, что последние пару недель между нами творилось нечто странное, необъяснимое.

— Случайно? — Сашке в моём туманном ответе что-то не давало покоя.

Эх, Сашка-Сашка, неймётся хоть как-то обелить передо мной своего босса? Не получится. Не после всего, что я видела...

— Так вышло. Саш, это неважно. Неважно, как я узнала. Разве это что-то меняет?

Охранник пожал широченными плечами:

— Не знаю, но...

— Но что?

— Да просто... меня когда Герман Александрович за вами отряжал, поинтересовался.

Внутри что-то кольнуло.

— Что он спросил?

— Да ничего такого-то и не успел. Он меня торопил, чтоб вы вас нагнал и сопровождал. Но он думал, может, я знаю, как вы в Москве очутились.

Что ж он так распереживался? Будет теперь гадать, где мог проколоться, проговориться?

Да одного его хмурого вида и отстранённости в последние дни за глаза хватило, чтобы и безо всяких поездок начать

подозревать.

Герман был против того, чтобы я работала. И, конечно, против корпоратива. Вот только после праздника по случаю дня рождения нашей фирмы он вёл себя как обычно. Не злился и претензий мне не предъявлял.

Странности начались значительно позже.

Я знала, что Герман меня ревновал. Не то чтобы часто, но такое случалось. И у него были на то причины. Эту боль он с собой притащил из прошлых, сильно изранивших его отношений. И эту рану, видимо, даже я не смогла залечить. Скорее уж, наоборот.

Но я держалась за свою работу ещё и потому, что именно там мы с ним познакомились. Глупо и сентиментально? Пусть. Но так уж сложилось, что мне моё место с тех пор стало во сто крат дороже.

Герман увидел меня в окошке нашей винтажной цветочной лавки, когда останавливался на светофоре.

Чистая случайность. Шанс на миллион.

Если бы он не повернул тогда голову, не выглянул в окно своего роскошного Audi, никогда позже не вошёл бы в нашу лавочку и не придумал банальный предлог:

— Мне нужен букет. Для матери.

— А какой повод? — при взгляде на посетителя у меня дыхание перехватило, до того он был хорош и совсем не соответствовал нашему скромному интерьеру в своём шикарном деловом костюме.

— Без повода, — его губы тронула тень улыбки. — Чтобы дарить любимой женщине цветы, повод не нужен.

А спустя пару недель букет из ста белых роз доставили прямиком к порогу моей съёмной квартиры.

Я над этим букетом море слёз пролила, но для проформы вознегодовала, мол, у меня и ваз-то столько не сыщется, чтобы все розы сберечь.

Спустя час в мою крохотную квартирку доставили дюжину молочно-белых дизайнерских ваз.

Воспоминания жгли калёным железом.

Но ладно бы только воспоминания. Все настоящие испытания оказались впереди, когда мы наконец добрались до нашего загородного дома.

Выбравшись из авто, я побрела к крыльцу, отказавшись от Сашкиных попыток сопроводить меня чуть ли не до самой спальни.

Мне нужно побыть одной. Собрать вещи. Решить, куда я съеду отсюда хотя бы на время.

Находиться под одной крышей с ним я попросту не смогу.

Я бросила взгляд на лежавшую у кровати дорожную сумку.

В роскошный дом Германа Ахматова я вошла, что называется, голой и босой. Такой отсюда и уйду. Мне ничего от него больше не нужно. Мне никогда ничего и не было от него нужно, кроме него самого.

Но стоило мне выйти из ванной, где я вместе со слезами

смыла с лица остатки косметики, как дверная ручка лихорадочно дёрнулась и послышался глухой голос мужа:

— Лиля, открой. Сейчас же. Иначе я её вышибу.

Глава 4

— Ты меня слышишь?

Я конвульсивно сглотнула, но сухое горло обожгло воздухом.

Выбора он мне не оставлял. Герман был человеком бескомпромиссным и пустым переговорам предпочитал действия.

Перебросив намокшие волосы через плечо, я бросила полотенце на кровать и отомкнула замок. Открывать дверь не потрудились, просто отступила подальше. И не потому что боялась его гнева. Вспыльчивый по натуре супруг со мной никаких вольностей себе не позволял.

Нет, просто сейчас мне хотелось быть от него как можно дальше. Слишком больно всё, слишком свежо.

Дверь отворилась. Герман стоял на пороге, в брюках и полурасстёгнутой рубашке. Кажется, так и не потрудился застегнуть её ещё там, в спальне нашей московской квартиры.

Он что, помчался домой следом за нами? Да к чему теперь вся эта спешка?

Синий взгляд соскользнул с меня и задержался на дорожной сумке рядом с кроватью.

— Что это? — он указал подбородком на сумку.

Мои ладони невольно сжались в кулаки.

— А разве не видно?

В его глазах вспыхнул опасный огонёк. Он даже усмешку себе позволил — мрачную, почти саркастичную.

— Что, Меньшова, используешь свою фирменную тактику?

Он вспоминал мою девичью фамилию лишь когда его что-нибудь злило. После свадьбы такое случалось нечасто, но всё же случалось.

— Нет у меня никакой тактики.

— Да что ты? — его губы скривились. — А как же твой излюбленный приём — побег? Не этим ты сейчас занимаешься?

Да как он смеет... как он смеет мне сейчас выговаривать? После того, как я застучала его без пяти минут в постели с другой?!

— Сейчас я занимаюсь совершенно бесполезным делом, — мой голос позорно дрожал, но я не позволила ему совсем оборваться. — Разговариваю с тобой. Хотя должна собирать вещи.

— Собирать вещи? С какого бы это?

— С такого, что я уезжаю. Я здесь не останусь.

На лицо Германа набежала туча. Я воплощала в жизнь его самый жуткий кошмар — сбегала. Вот только кошмаром это было до тех самых пор, пока он меня любил. Не сейчас. Сейчас с чего бы ему переживать? Он быстро утешится в объятиях своей Марины. Он уже неплохо в них утешался!

— И куда, позволь спросить, ты отправишься?

Зная его характер вдоль и поперёк, я ожидала мгновенной вспышки гнева. Но муж меня удивил.

— Какая тебе разница? Вряд ли тебя это должно волновать.

— Ты пока ещё моя жена. Поэтому, представь себе, меня этот вопрос очень даже волнует!

Он начинал по-настоящему заводится, а меня жестоко резали эти его «пока ещё». Но разве не к тому всё и шло? К неминуемому окончанию нашего брака?..

— Не думала, — честно ответила я. — Не знаю. По пути разберусь. Такого ответа достаточно?

— Никакого ответа мне не достаточно! — прорычал муж. — Потому что ты никуда не поедешь!

Вот уже и меня начинал распирать гнев:
— А по какому праву ты меня собираешься удержать? Я пока ещё твоя жена. Но я не твоя собственность!

Горькая ирония, но этому я научилась у своего мужа. Умению выплёскивать эмоции, не держать их в себе. Он научил меня гневу, он научил меня страсти. И в мечтах я всегда представляла, что вечно буду делить их лишь с ним.

Наивная дурочка.

— Никуда. Ты. Не поедешь.

Герман проговорил эти слова чётко, отдельно, с пугающим до колик спокойствием. Но это лишь затишье перед бурей. Обнадёживаться не стоило.

— Ты не можешь мне запретить.

Он сжал челюсти, от чего и без того острые скулы стали ещё выразительнее.

— Хочешь проверить?

— Посадишь меня под замок? К батарее пристегнёшь? Зачем это всё? — я наконец решилась упомянуть о пережитом напрямую. — Герман, ты... ты мне изменил! Ты уничтожил любое желание оставаться с тобой под одной крышей! Так зачем продолжать меня мучить? Мне нужно время, чтобы всё переварить и решить, как жить дальше. Почему ты лишаешь меня этого права?

— Так ты о моей измене переживаешь? — усмехнулся муж.

Я вытаращилась на него. Нет, он действительно усмехался. Господи, да кто он такой? Кто угодно, только не мой муж. Этот человек реагировал совершенно не так, как реагировал бы Герман, за которого три года назад я, слепая и совершенно дурная от счастья, выскочила замуж.

Наперекор всему и вся.

— Ты находишь это... забавным? — прохрипела я, пытаюсь отыскать на родном когда-то лице хоть капельку раскаяния.

Герман приподнял чёрную бровь и с намеренной медлительностью сложил на груди руки:

— Представь себе. Очень забавно, что виноватым во всей этой охрененно странной и запутанной ситуации оказываюсь именно я. Именно я, а не моя жена, которая всю эту кашу

и заварила.

Глава 5

— Которая... что?.. — я не до конца соображала, что вообще говорю. — Ты... обвиняешь меня в том, что у тебя любовница завелась?

Герман испепелял меня взглядом. Я по глазам его видела, что он очень многое хотел мне сказать, но молчал.

За это я его ненавидела. Сейчас — искренне ненавидела.

Если мой муж выбирал молчать, вывести его на разговор всегда было сложно. Требовалось набираться терпения и ждать, пока его эмоции переварятся в нечто, что можно перевести в слова, слова вызреют, и я получу ответы на свои вопросы.

Так было и с его ревностью. Которую он поначалу просто не признавал.

Но я знала, на что шла. Я согласилась быть терпеливой, потому что знала: он очень обжёгся в прошлом. Ему было сложно учиться заново доверять людям. Даже мне. Должно быть, особенно мне.

— Ты видишь последствия, — он буквально заставил себя говорить. Цедил слова так, будто я из него их клещами тянула. На виске лихорадочно билась жилка.

— Последствия... — я обвела взглядом комнату, будто это помогло бы мне сообразить, о чём он вообще говорит. — Герман, я ничего не понимаю. Какие ещё, господи-боже,

последствия?

— Последствия твоего упрямства. И твоей бесконечной приверженности... работе.

От последнего слова разило таким сарказмом, что не заметить этого было бы невозможно.

Так всё-таки дело в злосчастном корпоративе... Только я ума приложить не могла, как эти вещи вообще могли быть связаны между собой.

Тем более что с тех пор прошло столько времени. Да, Герман был недоволен, но идти мне туда не запрещал. Только и попросил, чтобы я не гнала шофёра и охранника. Мол, ему так спокойнее будет.

Я не стала возражать. Это было мизерной платой за то, что между нами не вспыхнет новая ссора. Пусть мне и неудобно было перед коллегами — они ведь и так знали, за кем я замужем, а эти атрибуты «богатой жизни» всё усложняли и воздвигали между ними и мной невидимый барьер, чего я стремилась всячески избежать.

— Поразительно просто... При чём здесь моя, скажи на милость, работа?

— При том, что ты вцепилась в неё с несвойственным тебе упрямством. Настолько к ней прикипела, что ничего важнее для тебя как будто и нет!

— Это... несправедливое обвинение. Ты прекрасно знаешь, что это не так!

— Разве? — в синем взгляде стыла плохо скрываемая

боль. — Я тысячу раз просил тебя рассчитаться. Тебе незачем там оставаться. Просто удивительно, насколько эта работа тебе дорога.

От его слов веяло злобой — откровенной и неприкрытой. Да, он и прежде мою работу не жаловал, но чтобы настолько...

— Герман, ты ведь знаешь все ответы и знаешь их очень давно! Ничего же с тех пор не изменилось. Мы это с тобой обсуждали! Не раз!

— Обсуждали, — с опасным спокойствием согласился муж. — Но как выяснилось, тогда я многого не понимал.

— Да что ты мог не понимать? Что мне нравится оставаться полезной? Не хочется просиживать целыми днями дома? Что я и без того чувствую, насколько мы неравны? И я уже молчу о том, что обо мне думают твоя родня и друзья!

— Мы сто раз об этом с тобой говорили, — покачал он головой. — Тебя не должно интересовать их мнение. Ничьё мнение тебя не должно интересовать, если уж на то пошло!

— И ты думаешь, это так просто? Когда при любом удобном случае тебе в спину несутся шепотки? Когда то и дело ловишь на себе косые взгляды? Я просто не хочу быть обузой! Я хочу развиваться! Хочу что-то делать, пойми!

— Так мы поэтому ребёнка не спешим заводить?

Эти слова хлестнули меня раскалённым кнутом. Я даже дыхание задержала, все слова и теснившиеся в голове вопросы вылетели оттуда, погрузив меня в звенящую тишину.

— Что?..

— Три года прошло, Лиля. И мы всего пару раз этот вопрос поднимали. Согласись, это странно, что...

Закончить я ему не дала. Моё сознание будто отделилось от тела. Я в два шага перекрыла разделявшее нас расстояние и вlepила ему звонкую пощёчину. Рука моя в мгновение онемела, а из глаз сами собой брызнули слёзы.

— Н-ненавижу тебя, — мои губы прыгали от напряжения и вынимавшей душу боли. — Ненавижу!

Я отступила, почти не глядя выгребла из кресла брошенную туда сумку. Муж не двигался. Так и стоял, чуть склонив голову.

— И только посмей меня остановить, — я схватила плащ и, наплевав на сборы, устремилась к двери. — Этот разговор продолжится, когда твои мозги встанут на место. Если нет... шли ко мне сразу своих адвокатов с бумагами на развод!

Глава 6

— Лилечка, ты бы хоть позвонила сначала... — мать растерянно смотрела, как я таскаю из пачки салфетки и прикладываю их к распухшему от слёз лицу.

В дом родителей я добралась спустя два часа после отъезда. Произошедшее настолько выбило меня из колеи, что я умудрилась назвать таксисту старый адрес улицы и дома, где я когда-то жила вместе с родителями. С тех пор мать с отцом успели перебраться за город, не постеснявшись воспользоваться царским подарком зятя, которого на дух не переносили.

Мне повезло, что отец накануне отправился со своим братом на рыбалку на несколько дней, и мать в доме была одна. Не пришлось пускаться в объяснения, чтобы в ответ услышать: «А я тебе говорил!»

— Мам... ей-богу... Если тебе в тягость, так и скажи. Я к Свете поеду.

— Ну куда на ночь-то глядя! — всплеснула рукам мать и поднялась со стула. — Я разве тебя гоню? Я просто... я бы хоть комнату тебе приготовила, на стол собрала...

— Мам, ну какой стол? Какая комната? Господи... — я скомкала промокшую салфетку и потянулась за новой. — Я всё сама себе приготовлю. Пожалуйста, не суетись.

Мама всё же полезла в холодильник, только для того что-

бы удостовериться: разносолами она меня не порадует.

О еде я и думать не могла. А мать вела себя так, будто я к ней с визитом вежливости явилась — не более того.

Но мне стыдно ей было в этом признаться. Стыдно признаться, что я хотела услышать от неё хоть слово участия, а не дежурное: «Ну, всё понятно».

Хоть ничего ей понятно и не было. Я не рассказала ей об измене.

Во-первых, не было никаких сил душу наизнанку перед ней выворачивать. Во-вторых, я ведь знала, что лить мне бальзам на душу мать не станет, не такого склада она человек. Всегда говорила лишь то, что думала, без оглядки на чужие чувства.

Поэтому я только и обмолвилась, что мы сильно с Германом поругались.

— Так... ты надолго?

Я отёрла заложенный нос, пожала плечами:

— Н-не знаю. Всё только что произошло, и я... вообще пока ничего сказать не могу.

— Раз не знаешь, я тебе наверху постелю. Мы там наконец-то ремонт закончили. Только постельное постелю.

Я кивнула. Сейчас мне было откровенно всё равно, где меня определяют. Не погнали — и на том спасибо.

— Лиль...

— М?

— Так... не расскажешь, что стряслось? Ну, я поняла, что

порукались, но... из-за чего поругались-то?

Я украдкой взглянула на мать. Не уверена, что ею двигало искреннее сочувствие. Она так до конца мне и не простила, что я «отказалась от своего счастья», предпочтя Германа другу детства Андрею Самарину, за которого она меня настырно сватала лет десять — не меньше.

— Это не важно.

— Ну что значит, не важно? Конечно же, важно! Примчалась в слезах, второй час успокоиться не можешь. Уже трусишься вся. Губы, вон, белые. Лиля, ну не рви ты мне сердце!

— А разве это возможно?

— Это что ещё значит?

Я впервые открыто посмотрела на мать. Серые глаза взирали на меня едва ли не с вызовом, мол, что, возьмёшься-таки прекословить?

Её выдавали только бледные тонкие руки, то и делоправлявшие ворот домашнего халата. Мать всё-так нервничала. Она не любила оставаться в неведении и не любила, когда я с ней пререкалась, ставя под сомнение её авторитет.

Пару лет назад она мне сказала: «Имей совесть слушаться меня хоть иногда. Хватило и того, что ты, безголовая, за своего дьявола-искусителя выскочила!»

— Это значит, что я не верю, будто тебе есть до наших ссор хоть какое-то дело. Мам, я не ссориться приехала. Я приехала переночевать. Если мой приезд вам окажется в тягость, поеду к подруге. Я тебе уже объяснила.

Мать поджала тонкие губы и провела пальцами по волосам, поправляя своё русое каре.

— Лиля, тебя никто отсюда не гонит. Я хочу, чтобы ты это поняла. Просто пытаюсь хоть чуточку разобраться...

— Не в чем тут разбираться, — с горечью прервала я. — Мы поссорились, и повод серьёзный.

— Насколько серьёзный?

Я шмыгнула носом и снова приложила салфетку к лицу.

— Достаточный... достаточный для развода.

И я услышала вздох. Не печали, не грусти, не удивления... облегчения.

— Ну слава богу, — пробормотала мать. — Слава богу, Лилечка. Наконец-то этот дьявол оставит тебя в покое.

Лежавший на столе телефон, будто услышав её, зазвонил. Я вздрогнула, бросила взгляд на экран.

«Герман».

Вспомни о дьяволе...

Глава 7

— Так и будешь взглядом его гипнотизировать?

Голос матери вывел меня из ступора. Но взять трубку я так и не решилась. Телефон замолчал, но ненадолго. Зазвонил снова.

— Лиль, он же не уgomонится, — в глазах матери читалось раздражение. — Ну ты что, хочешь, чтобы я с ним говорила?

Вот только этого мне и не хватало. Вот только этого — и тогда хоть сразу неотложку вызывай.

Бросив салфетку на стол, я схватила телефон и вышла из кухни в коридор, а оттуда — к выходу в большую гостиную.

— Лиля.

Моё имя его голосом... меня до сих пор дрожь пробирала, когда он произносил эти два коротких слога. Тем тяжелее было слышать его сейчас.

— Лиля, где ты?

Я сглотнула, опасаясь, что он мог услышать, как скрутило мышцы моего посаженного горла.

— Это не твоё дело.

— Возвращайся домой. Немедленно, — холодный, приказной тон, но под этим холодом бушевало пламя. Герман не умел остывать в мгновение ока.

— Нет.

— Лиля...

— Нет! Я не твоя подчинённая, и не нужно раздавать мне приказы!

Смалодушничала. Бросила трубку.

Думала, всё же сумею, выплакавшись, не сорваться. Но он позвонил слишком скоро. Неужели ещё не понял, что я уезжала из дома совсем не для того, чтобы через пару часов приплестись обратно, стоит ему приказать?

Но было бы хуже, если бы трубку я всё-таки не сняла. Он мог навоображать себе всё что угодно и не успокоился бы, пока меня не отыскал. Да Ахматов всю столицу на уши мог поднять, стоило ему задаться целью...

Я вернулась на кухню, где мама уже что-то разогревала на плите.

— Мам, где у вас бельё? Пойду себе постель приготовлю.

Мать бросила на меня взгляд через плечо:

— Не суетись. Сама всё постелю. Иди-ка прими ванну. Я тебе ужин сейчас разогрею.

— Мам...

— Не мамкай. Раз уж у нас разговора по душам не получается, так хоть что-нибудь проглоти. Не хватало потом скорую вызывать и лечить тебя от истощения.

Она любила драматизировать. И если ситуация не достигала нужного уровня накала, старалась это исправить. Но была какая-то горькая ирония в том, что узнай мама правду, краски ей не пришлось бы сгущать. Сейчас они в моей кар-

тине и без того мрачнее некуда.

Я не стала спорить и побрела восвояси. А через четверть часа, лёжа в горячей воде, пыталась смириться со своим положением.

Не получалось.

Это было жестоко, бесконечно жестоко с его стороны — вменять мне в вину то, что у нас всё ещё нет детей. Мы действительно обсуждали этот вопрос всего пару раз, но на то были причины. Мы хотели растить нашего ребёнка осознанно и со всей ответственностью.

Герману предстояло закрыть две очень важные сделки, а я — вот так ирония! — готовила себя к тому, чтобы распрощаться со своей любимой работой. Просто Герману пока не говорила. Боялась, что примется торопить.

И мы оба знали, что в ближайшие месяцы сделаем ответственный шаг. Не было нужды сто раз проговаривать одно и то же. Всё уже давно было решено и, можно сказать, распланировано.

И теперь он поднял этот вопрос? Да ещё таким варварским способом!

Я выпрямилась, перекрыла воду, дотронулась до горевшей щеки.

Не нужно сейчас ничего вспоминать. Я подумаю об этом завтра.

Но таким нехитрым способом распланировав ближайшее будущее, я наивно упустила из внимания планы моей мате-

ри.

Утро я встретила в слезах, заползла в душ и собиралась выполнить программу минимум — позавтракать в одиночестве и тишине.

Я не озаботилась тем, чтобы привести себя хоть в какой-то порядок. Завернулась в халат, собрала в пучок влажные волосы и, сунув ноги в тапочки, пошлёпала вниз, на кухню.

Вряд ли в горло мне полезет нечто больше, чем овсяная каша, но...

Тут моя мысль оборвалась, потому что только добравшись до порога кухни, я сообразила, что уже какое-то время слышу чей-то разговор.

Но когда подняла взгляд, поняла, что прятаться от незваного гостя поздно.

Мама крутилась у плиты, ссаживая со сковороды на блюдо пышные блинчики.

А за столом попивал чай Андрей Самарин — мой несостоявшийся в прошлом жених.

Глава 8

— А вот и она! — мама помахала мне лопаточкой. Рядом с ней на столе задорно чирикала кофемашина.

Завидевший меня гость подскочил с места:

— Лиля, привет.

Кажется, ему было так же неловко, как и мне. Это немного привело меня в чувство.

— Привет, — я мучительно соображала, как задать вопрос, чтобы он не прозвучал слишком грубо. — А... а что ты тут делаешь?

— Лиль, ну как ты могла запомнить? Я же тебе говорила, что у Андрея в нашем посёлке дача, вниз по улице и направо.

Разве?.. Разве она об этом упоминала? Мне казалось, такую информацию я запомнила бы. Но в нынешнем состоянии я не стала бы ни на чём настаивать. Возможно, и впрямь запомнила, тем более что жизнью Самарина я не интересовалась с тех пор, как переехала жить и работать в Москву вопреки неустанным попыткам родителей нас сосватать.

Андрей был моим другом детства — не больше. А вот он с таким положением дел долго смириться не мог. Но потом он куда-то пропал, а после нашей с Германом свадьбы дружба с Андреем и вовсе обрела логичный финал.

— Приехал на выходные, — с робкой улыбкой пояснил

Андрей, возвращаясь на своё место. — Недавно вернулся из-за границы. Подписывал новые договора. Захотелось отдохнуть в загородной тишине.

Мать бросила на меня многозначительный взгляд, мол, слыхала? Заграница. Договора. За последние годы Андрей Самарин умудрился выстроить карьеру предпринимателя и в её глазах наверняка стал ещё более завидным женихом. Только ко мне всё это как относилось?

— Понятно, — кивнула я, по-прежнему не понимая, как себя вести и куда себя деть. — Сто лет не виделись. Не знала, что ты теперь такой занятой человек.

Самарин пожал узкими плечами и отбросил со лба заметно поредевшую чёлку:

— Да как-то, знаешь, всё завертелось...

Я кивнула, давая знак, что понимаю и нет нужды пускаться в объяснения. Всё, о чём я могла сейчас думать, это как выкрутиться из щекотливой ситуации и покинуть кухню.

Но как это часто бывало, решили всё за меня. Мать поставила на стол кружку кофе и тарелку с блинчиками.

— Лиль, ну что ты стоишь-то столбом? Садись. Позавтракай. Вы с Андреем сто лет не виделись. Поговорите хоть полюдски.

Да не о чем нам говорить. Связь мы не поддерживали с тех пор, как случилось его совершенно внезапное и неуклюжее предложение — результат закулисного сватовства его и моих родителей.

Да, Андрей, вероятно, питал ко мне нежные чувства, но отстоять никогда их не мог. К тому же очень легко поддавался чужому влиянию, никогда не перечил своей авторитарной матери и, как следствие, моей тоже. Когда ему приказали купить букет и посвататься, он сделал это безо всякого сопротивления.

И это при том, что у нас с Самариным никогда не было романтических отношений.

Ума не приложу, как он мог выстроить собственный бизнес, будучи таким бесхарактерным. Впрочем, откуда мне знать? Может, с тех пор многое изменилось...

Я опустилась на стул и придвинула к себе кофе. В конце концов на кухню я пришла именно за этим.

— Здорово выглядишь, — Андрей рассматривал меня безо всякого стеснения.

И я не знала, что сильнее повергло меня в шок — подобное признание или то, что оно было откровенной ложью. Я только что видела себя в зеркале. Краше в гроб кладут.

— Спасибо, — я опустила взгляд, с тоской уставилась на румяные блинчики. Странное ощущение. Вроде бы и есть хотелось, но нервозность моя нарастала, не позволяя аппетиту заявить о себе в полную силу.

Очень хотелось, наплевав на все нормы приличий, обратиться к матери напрямую и потребовать объяснений. Вместо этого я отхлебнула крепкого кофе.

— Так... ты мимо проходил и заглянул? Или...

Взгляд, брошенный Андреем мне за спину, всё мне объяснил. Её рук дело.

Господи. Как? Когда? Зачем?

Стоило тысячу раз подумать, прежде чем сюда приезжать. Вот только беда — думать я вчера не могла.

— Андрей приехал позавчера, — мою мать ничего в ситуации не смущало. — Я тебе вчера ничего не сказала, потому что... не до того было, верно? Но я собиралась его на чай пригласить...

Ложь. Наглая ложь.

— ...а сегодня утром подумала, ну что тянуть? Вдруг опять сорвётся и по своим границам поедет. Позвонила Елене Михайловне. Говорю: «Вы что же своего сына от нас прячете? Пусть заходит на кофе. У нас как раз Лиля гостит». Вот он и пришёл.

Мои щёки горели от стыда и неловкости.

Зато теперь всё было понятно.

— Забыл сказать... — тихо добавил Андрей, склонившись ко мне через столешницу, — искренне сожалею.

Я подняла на него взгляд:

— Извини?..

Андрей поёжился. Очевидно, не ожидал, что ему придётся разъяснять.

— По поводу... ну... случившегося.

Я продолжала молчать, леденея от подозрений.

— Случившегося?..

— Ну... да. Сожалею по поводу вашего с Ахматовым раз-
вода.

Глава 9

— По поводу... — мне показалось, я ослышалась.

Перевела взгляд на хлопотавшую у плиты мать. Она взи-
рала на меня с такой невозмутимостью, будто я у неё добав-
ки попросила.

Очевидно, придётся отложить этот разговор на попозже.
Я отвернулась, чувствуя нехорошее жжение там, где неровно
билось сердце, и постаралась ответить со всем спокойствием,
на которое была способна:

— Андрей, я не знаю, где тут сработал эффект неисправ-
ного телефона, но мы с Германом... не разводимся.

«Пока», — шепнула мне моя внутренняя пессимистка.

И будто в ответ на мои слова стоявший на беззвучном те-
лефон приветливо мигнул мне со столешницы экраном. Вхо-
дящее сообщение.

— О... — на лице Андрея отобразилось искреннее недо-
умение. Значит, его и впрямь ввели в заблуждение. Под-
лость, какой ещё поискать. — О-о-о, извини. Лиля, я не...
не специально. Я просто...

Он беспомощно замолчал, прилагая все возможные уси-
лия, чтобы не смотреть мне за спину, на виновницу этой без-
образной ситуации.

— Андрей, ты меня извини, — ей всё же хватило сове-
сти отозваться, но тон при этом ничуть не изменился. — Я,

наверное, это на эмоциях ляпнула. Понимаешь, когда Лиля вчера приехала... ты бы её видел. На ней лица не было. Вот просто белое полотно! Я уж чего только не передумала...

— Мам...

— Что «мам»? Да у меня сердце полночи потом колотилось! Всё подходила к твоей двери и прислушивалась. Думаю, может, всё-таки скорую вызвать.

В висках начинала пульсировать кровь. Я ума не могла приложить, как моей матери удавалось усугубить и без того, казалось бы, до предела неловкую ситуацию. Но она с этой задачей справлялась прямо-таки на отлично.

Я не удивилась бы, если бы наш гость воспользовался моментом, извинился, откланялся и поклялся себе никогда больше не возвращаться.

Но я, кажется, успела забыть, насколько Самарин, при всей кажущейся мягкотелости, порой был парень себе на уме. Подозреваю, этому его научила жизнь с волевой матерью. Сын не всегда мог добиться от неё поблажек, поэтому научился действовать в обход.

— Мария Алексеевна, вы бы и о себе не забывали. Вчера столько переживаний, а вы с самого утра на ногах и до сих пор не присели.

Матери несказанно польстило такое внимание, и она с удвоенной силой захлопотала, вызвавшись освежить гостю кофе и достать из запасов апельсиновый джем по особому рецепту, потому что Андрей такого никогда не пробовал и в

магазине подобного не купишь.

Меня начинало потряхивать от всего этого безобразия.

Господи, какая же я дура... Надо было ехать к Светке.

Андрей от внимания принимающей стороны не отказывался, и на какое-то время эти двое будто вовсе позабыли обо мне. Я вспомнила о сообщении.

Открыла мессенджер и едва не всхлипнула.

Сообщение от Германа.

Короткое и по сути. Очень в его стиле.

«Немедленно возьми трубку».

Он разве звонил?

Я проверила входящие. Господи, больше дюжины штук в течение последнего получаса. Я ведь и забыла, что даже вибрацию отключила, и только пару минут назад перевернула телефон экраном вверх, чтобы взглянуть на время.

— ...она считает, что он слишком сладкий и почти без кислинки. Да, Лиля?

Я вздрогнула от обманчиво ласкового голоса матери и отложила телефон.

— Что, прости?

— Говорю, мой джем тебе не понравился.

Я перевела взгляд на Андрея, щедро размазывавшего цитрусовую массу по своему тосту:

— Мам, я этого не говорила. Я сказала...

— Ты сказала, что он слишком сладит и без кислинки,

— настаивала мать, едва ли не с обожанием глядя на гостя,

уплетавшего тост.

Может быть, она его уже усыновит, и мы на этом закончим?

— Я сказала, что с несладким чаем будет в самый раз...

Экран снова вспыхнул — входящий от Германа.

Мать покосилась на телефон, поджала губы. Я схватила его со стола и, извинившись, выскочила из кухни. Дурдом какой-то — вызов от маниакально названивавшего мужа-изменщика стал благовидным предлогом для побега из бедлама, царившего на родительской кухне.

Я вышла в гостиную, пересекла её и подошла к балконным дверям. Приоткрыла створку, чтобы вдохнуть свежий осенний воздух.

Господи, дай мне сил...

— Слушаю, — мой голос почти не дрожал.

— Думаешь, что можешь от меня вот так просто сбежать? — хриплый, будто посаженный голос мужа ожёг меня изнутри, пошлав по телу мурашки. — Можешь отмалчиваться и строить из себя обиженную и оскорблённую?

Я прикрыла глаза от нового приступа боли.

Ещё минуту назад, сидя на кухне, я отгоняла от себя безумную фантазию: вот-вот муж позвонит и наконец примется извиняться за содеянное. Попросит вернуться, да, но именно попросит...

Но вот тебе, Лиля, жестокая реальность — сначала приказы, теперь почти угрозы.

— Предупреждаю, — гнетущая пауза, — возвращайся домой. Или я верну тебя сам. И тебе мои методы не понравятся.

Глава 10

— Герман Александрович, может, чаю...

— Не нужно, — он мотнул головой, гипнотизируя взглядом потухший экран. — Спасибо, Ирин. Если мне что-нибудь понадобится, я позову.

Горничная кивнула и оставила его в покое.

Он прошёлся от окна до окна просторной парадной гостиной, окна которой выходили в ухоженный парк с облетавшей листвой.

Он чувствовал себя раненым зверем, запертым в тесную клетку. Внутри всё кровоточило.

Как она смела бросить его, наплевав на все свои обещания никогда так не поступать!

Герман усилием воли заставил себя отложить нагретый телефон. Её молчание сводило с ума, откровенно бесило!

Громадный двухэтажный особняк, который он купил для неё, сейчас замер, застыл, помертвел. Он напоминал ему мавзолей, в котором не место живым.

Он и сам теперь был живым только наполовину.

Напольные часы в холле отбили шесть часов вечера. И их звон казался ему похоронным.

Герман дошагал до уставленной декоративными статуэтками каминной полки. Уставился на встроившихся в ряд пу-

затых котов. Смешные, наглые морды, хвосты трубой. В этот выводок глиняных четвероногих его жена влюбилась, увидев их в сувенирной лавке одной из многочисленных пражских улочек.

Глаза у неё сделались в пол-лица. Она благоговейно гладила пальчиком их круглые спины, а они, казалось, вот-вот замурчат от её нежного прикосновения. Он замурчал бы. Без вариантов.

Она его приручила с первого взгляда.

Приручила и бросила.

Он отвернулся от полки. Будто отозвавшись на его резкое движение, телефонный экран вспыхнул, и его сердце невольно пропустило удар.

Что, сподобилась-таки, на ответ?

Или дождётся, пока он поедет столицу вверх дном переворачивать?

Он ведь поедет. И перевернёт. Она это знает.

Герман подхватил телефон с журнального столика.

Не стоило раньше времени обнадёживаться.

Артур. Младший брат.
 — Ну привет, — голос родственника звучал не слишком уверенно. — Слушай, это, конечно, не моё дело... Но что у вас там стряслось?

Твою-то мать... Артур-то откуда разнюхал? Их жизнь и без того всегда была под микроскопом, что напрягало невероятно, даже в самые счастливые моменты. Про нынешнее состояние дел и говорить не хотелось.

— Ничего. Это тебя не касается.

— Как обычно, — вздохнул младший. — Знаешь, я бы и плюнул, но я тут с Мариной пообщался.

— Какого...

— Эй, давай вот без этих своих закидонов! — перебил его брат. — Вообще-то наши с ней кабинеты через коридор, если ты не забыл.

— Что она тебе сказала? — он балансировал на самом краю, буквально заставляя себя не цедить слова сквозь стиснутые зубы.

— Да ничего такого. В смысле, ты ж её знаешь. Она в принципе ни о ком, кроме тебя, говорить как будто не в состоянии. Говорит, вы с Лилей поссорились.

Герман выдержал паузу.

— Марина договорится до того, что я переведу её в другой офис.

— Даже не посмотришь на её особый статус? — хмыкнул брат.

— Да плевать мне на её статус. У неё язык без костей. С детства такая. Ни хрена не изменилась.

— Зато специалист — хоть куда. Тут ворчи не ворчи.

Разговор начинал его тяготить. Он был совершенно не в настроении выслушивать шуточки младшего брата. И тот как будто почувствовал, что разговор у них в подобном тоне не сложится.

— Слушай, Герман, я вообще-то звонил и по делам пооб-

щаться. Отчитаться, что по договору с «Энергостроем» мы все вопросы закрыли.

Герман мысленно выругался. Произошедшее за эти два дня настолько погрузило его в лихорадку личных переживаний, что он почти совсем от рабочих вопросов отключился.

С утра раздал необходимые распоряжения секретарю и главным помощникам и даже в головном офисе не появлялся.

Младший наверняка звонил ещё и поэтому.

— Я кое о чём тебя попрошу, — он всё-таки отыскал в себе силы на время вынырнуть из творившегося в его жизни ада. — Раз с «Энергостроем» ты расквитался.

— Что угодно.

— Во-первых, подстрахуй меня завтра на встрече с подрядчиком. В детали дела ты посвящён. Просто закрой оставшиеся вопросы.

— По строительству на окружной? Окей, не вопрос. Что ещё?

— Во-вторых, — Герман вдавил пальцы в висок, надеясь, что это хоть немного уймёт раскалявавшую голову боль, — ничего не говори родне. Даже если спрашивать будут.

— Про... Лилю?

— Мы договорились?

— Ладно. Даже если мать будет спрашивать?

— Особенно если мать будет спрашивать. Мне сейчас

только семейных консилиумов не хватало.

— Ты мне только скажи, что, всё настолько серьёзно?

Герман вспомнил произошедшее и попытался дать себе честный ответ.

— Возможно.

Артур помолчал.

— Понял. Думаешь... сами сможете разобраться?

Будто в ответ на этот вопрос в отдалении зазвучала мелодичная трель дверного звонка.

— Придётся, — бросил он напоследок, мысленно уже отключившись от диалога.

Это она.

Вернулась.

Он нутром это чуял.

Глава 11

— Вернулась.

Он не спрашивал, он констатировал факт.

Выглядел растрёпанным и уставшим. Под глазами залегли тени, на щеках темнела двухдневная щетина.

Герман стоял в арке, отделявшей фойе дома от коридора в его кабинет на первом этаже, широко расставив ноги и засунув руки в карманы брюк.

Суровый хозяин дома, встречающий неизвестно где пропадавшую жену.

Я стояла у дверей в странной нерешительности, будто за такое короткое время этот дом, с которым у меня связано столько счастливых воспоминаний, стал мне чужим.

— Нет, — я наконец отыскала в себе силы начать разговор. — Я никуда не вернулась. Я уехала, даже зубную щётку не прихватив. Я вернулась за своими вещами.

Мои слова гулко отдавались от начищенной до зеркального блеска мраморной плитки пола, от разом похолодевших стен и как будто отдалившегося в высоту потолка.

Я чувствовала себя крошечной и лишней в этом роскошном дворце.

Я чувствовала себя чужой для его хозяина.

— За вещами. Вот как, — Герман опустил взгляд в пол и какое-то время молчал. — А потом, значит, снова сбежишь?

— А потом я уеду к подруге и буду решать, что делать дальше.

Супруг медленно покачал головой:

— Нет. Это исключено. Ни к какой подруге ты не поедешь.

В обманчиво спокойном тоне скользило едва сдерживаемое напряжение.

Когда в нём произошла эта перемена?

Когда он стал превращаться вот в такого тирана, диктующего свои приказы безапелляционным тоном?

Мой муж никогда себя так не вёл.

С другой стороны, мы никогда и не попадали в подобную ситуацию...

— Ты ведь понимаешь, что не можешь указывать, что мне можно делать, а что нельзя? — я пытливо вглядывалась в его осунувшееся лицо. — Ты не можешь вынудить меня делать то, что я делать не хочу и не буду. Выходя за тебя замуж, я шла не в тюрьму, понимаешь?

— Репортаж, — спокойно обронил он и этим единственным словом размозжил все мои просившиеся на язык доводы.

Я забыла.

Я совершенно забыла.

Я о нём не вспоминала с тех самых пор, как была назначена дата встречи.

Боже мой, неужели месяц так стремительно пролетел?..

Я попыталась посчитать в голове, но очень быстро запуталась. Сейчас я меньше всего была способна на мысленные подсчёты.

Господи боже, но с тех пор всё так изменилось, что...

— Ты забыла, — озвучил своё наблюдение муж. — Но журнал не забыл. Вчера пришло письмо на электронную почту.

— И ты ничего мне не сказал. Ничего, кроме приказа вернуться домой. Ты бы мог мне напомнить.

— Я хотел, чтобы ты вернулась домой не из-за журнала.

— А ради чего? Ради очередного пустого и бесполезного разговора? Разговора, где ты отмалчиваешься и даже не собираешься мне объяснить, почему так по-скотски со мной поступил? Не буду я в этом участвовать, слышишь?

Герман кивнул, будто своими словами я подтверждала его ожидания:

— Они уже заказали рекламу. Разослали анонсы. И я не буду отзывать репортаж. Это гарантированная договорённость. Он одинаково выгоден нам и изданию.

Я рассмеялась. Неприлично громко и почти истерично. От нелепости доводов, от сюрреализма всей ситуации.

— Так это всё из-за бизнеса? Из-за вашего с Артуром нового семейного бренда? Не желаешь нести репутационный ущерб, так? Дело не в нас, не в твоей измене, нет! Не в том, что ты нашу жизнь растоптал и в этом чёртовом репортаже нет никакого смысла! Дело в деньгах — только и всего!

— Лиля...

— Знаешь, что... — я буквально кожей чувствовала отворачивание ко всей этой запутанной ситуации, — не нужны мне никакие вещи. Наши с тобой встречи обходятся мне слишком, слишком дорого.

Я плохо соображала, что делала. Но с болезненной отчётливостью ощущала — так мы с ним ни о чём не договоримся.

Может, стоило встретиться позже, на нейтральной, желательно, территории. Обсудить условия развода и поставить в этой ошибке, которую я считала счастливым браком, жирную точку.

Поэтому отвернулась к мужу спиной и нажала на кнопку дверного замка, но безобразно дрожавшие руки не позволили мне справиться с этой задачей в считанные секунды.

И это стоило мне свободы выбора того, что делать дальше.

Всего какое-то мгновение, и в дверь поверх моего плеча впечаталась тяжёлая мужская ладонь.

Я вздрогнула. Колени мои ослабели.

А кожу на шее обожгло горячим дыханием.

— Я же сказал, ты никуда не поедешь, — хрипотца в низком голосе мужа вызывала во мне постыдную дрожь. — Ты ведь от меня разговора хотела. Так давай начнём разговор.

Глава 12

— Не смей, — прошептала я, каждой клеточкой чувствуя эту странную и внезапную близость.

Это было неправильно. Так быть не должно.

Так больше никогда быть не должно.

Он слишком близко, и мои мысли предсказуемо путаются.

— Не смей предлагать тебе разговор, которого ты хотела?

— его дыхание колышет локоны у моего уха.

Господи...

Я начинаю бесконтрольно дрожать от необъяснимой смеси ощущений. Я откровенно не понимаю, что происходит.

Но понимаю, что происходящее меня бесконечно пугает.

— Не смей ко мне приближаться, — цежу я сквозь зубы, подныриваю под его руку и отступаю на пару шагов.

Только теперь я снова смогла задышать.

Герман обернулся, убрал руку. На его губы легла сардоническая усмешка.

— Всё верно, — он опустил взгляд, как будто разглядывал что-то у себя под ногами, — тебя воротит от мужа-изменщика.

Надо же, какой догадливый. Я перевела дыхание, оставила сумку на пуф у стены и спрятала дрожащие руки за спину.

Сбежать я не успела. А сейчас и пытаться не стоило. Тем более раз уж он в настроении поговорить. Может, хоть те-

перь для меня в этой дикой ситуации что-нибудь наконец прояснится.

— Воротит, — я хотела уколоть его побольнее. — Даже не представляешь, насколько.

Герман продолжал смотреть в пол, но раскаянием от его позы не веяло. Он будто и сам смотреть на меня расхотел.

— Хотел бы я твоей выдержкой похвастаться.

— Извини?..

Муж проигнорировал мой вопрос. Зато наконец-то соизволил поднять на меня взгляд:

— Ну так как? Начнём разговор, которого ты так жаждала?

Мне не нравилась сквозившая в его голосе насмешка. А в голове настойчиво билось: *«Бойся, Лиля. Бойся своих желаний»*.

Но чего мне бояться? Правда была на моей стороне.

Поэтому я вздёрнула подбородок, понадеявшись, что излучаю легко читаемое безразличие:

— Рада, что ты наконец-то созрел до этого конструктива. В синих глазах полыхнуло недоброе пламя.

— Конструктив. О да. Я очень надеюсь, что наш диалог окажется конструктивным. В кабинет.

— Вот только не нужно командовать. Мы и здесь можем поговорить.

И опять эта усмешка. Муж выразительно взглянул на входную дверь, которую загораживал от меня:

— Ну да. Конечно. Настроена не упускать свою главную цель из виду. Так не пойдёт.

В два шага он уничтожил расстояние между нами, подхватил меня под локоть и потащил к кабинету.

— Отпусти!

Его пальцы сжались на моей руке — сильно, но не больно.

— Всё правильно, — процедил он, таща меня к коридору, — давай соберём благодарную аудиторию. Прислуга изнывает от желания узнать, что приключилось. Не будем лишать их права быть проинформированными.

Он распахнул тяжёлую дубовую дверь, втолкнул меня в просторную, обшитую деревом комнату, и уютную тишину его кабинета нарушил щелчок закрываемого замка.

Он настроен серьёзно.

И теперь уже я вопреки рассудку ни о чём другом и думать не могла, кроме побега. Все разговоры вдруг показались мне бесполезными и ненужными. Пусть просто оставит меня в покое наедине с моей скорбью.

В конце концов, что тут ещё выяснять? Он изменил, потому что захотел другую женщину. Его признание разве исправит сам факт этой измены?

— А теперь поговорим, — муж развернулся посреди комнаты, оставив между нами расстояние в пару шагов, и сложил на груди руки. — Поговорим о том, на каких правах ты швыряешься обвинениями.

Я ошарашенно разглядывала его окаменевшее лицо, и ме-

ня затягивало в тёмный и глубокий омут крайне тревожное ощущение. Муж явился на эту дуэль с собственным арсеналом каких-то только ему ведомых аргументов.

Что он мог противопоставить, в конце концов, очевидно-му?

Чем он вообще мог оправдать то, что натворил?

Или это таким причудливым образом он переживал стадию отрицания?

— На каких правах? — переспросила я. — Это что, шутка такая? Я застала тебя в постели с другой! И *ты* мне говоришь о праве спрашивать с тебя за это?

— Не в постели.

— Ах, это действительно всё меняет! Верно. Моя вина в том, что я опоздала и не застала вас за... за соитием, так? Вот тогда у меня права сразу бы и появились!

— Они бы у тебя появились, если бы ты сама вела себя подобающе, — лицо Германа исказилось от гнева. — Если бы ты не явилась с корпоратива в почти неменяемом состоянии в платье, подаренном тебе твоим ухажёром!

Глава 13

Его слова хлестнули меня будто пощёчина — внезапная и обжигающая.

— Ты... да как ты смеешь...

— Как я смею! — зарычал муж. — Как я смею? Как *ты* смеешь смотреть на меня, будто на грязь под своими ногами, когда врала мне всё это время!

— Врала?.. Я тебе не врала...

Муж глубоко вдохнул и медленно выдохнул, явно сдерживая себя от новой вспышки гнева. Но когда он заговорил... лучше бы он продолжал бесноваться.

— Накануне вашего корпоратива тебе недвусмысленно намекнули на интрижку. Ты отшутилась. Но тебя такое предложение не возмутило. На корпоративе этот же человек преподнёс тебе в качестве извинения милый презент — коктейльное платье. Интересный выбор подарка. Но надо признать, оно идеально сидело, — с горькой усмешкой добавил муж. — Очевидно, глаз у этого парня намётанный. С размерами угадал.

— Герман...

Он не слышал меня. Продолжал говорить.

— Подарок ты поначалу не приняла. Похвальная стойкость. Но надо же было всему так сложиться в тот вечер... — он сглотнул, но заставил себя продолжить. — Запасное

платье очень тебе пригодилось.

Я леденела от его ровного тона и от того, в каком извращённом свете звучало случившееся в его устах.

— Я... я не понимаю. Я ведь всё тогда тебе рассказала. Я всё объяснила. И ты... ты всё понял.

— Объяснила, — муж на меня не смотрел. — Не рассказав и половины того, что произошло.

— Это сильное преувеличение...

— Да неужели? — этого хватило, чтобы гнев вспыхнул в нём с новой силой. — И то, что у тебя есть ухажёр. И то, что он подарки тебе дарит, а ты их принимаешь. И то, что домой он тебя отвозит! И то...

Он осёкся, недоговорив. А я была слишком занята попытками сообразить, откуда он всё это знает, чтобы тут же требовать от него завершить свою мысль.

— Герман, это...

— ...всё меняет, — ввернул он собственное продолжение фразы. — Понимаешь ты это или нет? Я не могу тебе доверять. Я не могу...

Он никогда бы не признался, что всё дело в тех, прежних его отношениях. Он не мог позволить выказать слабость. Признаться, как сильно и как глубоко его ранила измена любимой женщины.

Только разве же это повод колом кол вышибать? Отвечать на неискренность изменой! Тем, что когда-то разбило его собственное сердце? Да ещё и на основании перевернутых,

перекрученных фактов!

Но стоило мне подумать о фактах, как муж обрушил на меня ещё один аргумент.

— И это мы ещё не приступали к самому главному, верно?

— Н-не понимаю, о чём ты.

— Конечно, — с издёвкой бросил мне муж. — Ведь тут у нас случился главный пробел. Твоё таинственное исчезновение с мероприятия. Навеселе и под руку со своим ухажёром, я предполагаю?

Его взгляд прожигал меня насквозь, а у меня вся кровь отхлынула от лица.

Так чудовищно всё перекрутить...

— Герман, послушай...

— Послушать твою очередную ложь? — рявкнул он. — Что можно подумать о парочке, исчезающей в разгар веселья с чужих глаз? Вариантов, прямо скажем, не миллион!

— Герман, откуда ты всё это... кто всё это тебе рассказал?

— Какая, мать твою, разница! Главное, что ты ничего из этого и не отрицаешь!

— Д-да я даже не знаю, с чего здесь начать...

— С правды! — рявкнул он. — Почему-то с правды начать ты не пробовала!

— Да разве ты будешь теперь меня слушать?! — взорвалась я. Мне казалось, сейчас моя голова просто лопнет от попыток охватить мыслью всё, что на меня свалилось. — Ты же готовую картинку у себя в голове выстроил! Послушал

какого-то чужого человека и поверил ему!

— Может, это потому что самый близкий мне человек принялся врать? — он качнул головой, предупреждая. — Не пытайся выкрутиться. Это тебе уже не поможет делать из меня идиота.

Я не знала, с какого края начать распутывать этот адский клубок. Мне нужно время разложить всё по полкам. Мне нужно понять, как и когда совершенно без моего ведома всё скатилось в эту адскую яму...

Сейчас я не смогла бы до него достучаться — Герман буквально горел гневом и болью. Любые мои попытки что-то ему доказать воспринимались в штыки.

И как, а главное, *как долго* он умудрился таскать в себе этот ад, даже не попытавшись со мной заговорить?..

— Нет смысла что-то сейчас выяснять. Ты глух и слеп к моим словам, — я отступила к двери. — Поговорим позже. Мне важно, чтобы ты меня слышал.

— И куда это ты собралась? — спросил он угрюмо, пристально следя за моими телодвижениями.

— Это тебя не касается.

— Чёрта с два не касается, — в низком голосе снова зазвучала угроза. — Ты захотела решить этот вопрос. И мы его решим. Но пока мы его решаем, будь добра выполнять свои прямые обязанности.

— К-как это понимать?..

— Как то, что вступив в брак со мной, ты взяла на се-

бя обязательство блюсти лицо и репутацию. Через несколько дней к нам приедут из журнала. Будь добра выполнить свою часть работы.

— Н-но в нашей с тобой ситуации это... это бессмысленно!

— Я не просил тебя давать оценку нашей с тобой ситуации. Я попросил тебя выполнить свою часть сделки.

— Как великодушно с твоей стороны, что ты не требуешь от меня выполнять и все остальные мои обязательства, — горько отозвалась я.

Муж посмотрел меня пристально и недобро:

— Я не стал бы тебя утруждать. Ведь в постель с изменщиком ты никогда не легла бы, верно? Я точно не лёг бы. Я это уже проходил. Одного раза хватило.

Глава 14

— Только посмей устраивать мне домашний арест, — мой голос дрожал, мысли путались, но я настырно сбрасывала в сумку вещи. — Ночевать я здесь не буду. Не после всего, что ты мне наговорил.

Муж высился в дверях нашей когда-то общей спальни и мрачно наблюдал за моими сборами. И тот факт, что он ничего не отвечал на мои слова, заставлял меня вибрировать от напряжения.

Я бросила свои лихорадочные метания, выпрямилась и посмотрела ему в глаза:

— Я помню про этот чёртов репортаж, понятно? Если этот никчемный и теперь уже насквозь лживый материал за каким-то чёртом тебе дался — бог с ним. Но это не значит, что я буду сидеть здесь на привязи в ожидании приезда гостей!

— То есть таков твой ответ на всё, что было сказано?

— А что было сказано? — я всплеснула руками. — Ты вывалил на меня целый ушат помойных, ничего не имеющих общего с правдой обвинений и предлагаешь мне от них отбиваться? Что-то тебе доказывать?

— Ты виновата как минимум в том, что сказала мне полуправду.

— Да потому что вся правда звучала так, что я *знала* — ты никогда в подобное не поверишь! Я не могу запретить

Алексееву таскаться за мной, хотя я тысячу раз ему говорила, что замужем!

— Этот вопрос решался в два счёта. Тебе стоило сказать о его притязаниях *мне*!

— Чтобы ты его покалечил? Чтобы ты его наказал? — вскинулась я. — Герман, ты ведь попросту не умеешь что-то делать наполовину, вполсилы. У тебя ведь всё или ничего!

Пытаясь справиться с новой волной нервной дрожи, порядком измотавшей меня в течение нашего долгого разговора, я отвернулась к валявшейся на кровати полусобранной сумке, но не успела бросить туда зарядное от телефона. Герман в два счёта оказался напротив и одним махом смёл с кровати несчастную сумку. Теряя на лету своё содержимое, сумка рухнула на пол.

Я набрала в лёгкие воздух, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, но муж схватил меня за плечи и легонько встряхнул. Я оказалась лицом к лицу с просыпавшимся зверем:

— Ты права, — выдохнул он, едва себя сдерживая. — Всё или ничего. Ты моя жена. Моя женщина. Мой человек. И если какой-то левый мужик позволяет себе лишнее, ему стоит напомнить, на чью территорию он по ошибке забрёл, тебе так не кажется?

Я сглотнула.

— Вот тебе и ответ.

— Поясни, — нахмурился он.

— Ответ на твой главный вопрос: почему я не всё тебе рассказала.

Я видела по его напряжённому лицу и окаменевшей челюсти, что ему как никогда хочется выругаться.

Но вместо ругани он почти спокойно спросил:

— То есть так тебе виделся единственно верный выход из положения?

Я перевела дух и всё же решилась:

— Герман, ответь мне честно... Если бы я в тот вечер всё-всё тебе рассказала, как бы ты поступил?

Муж рассматривал моё лицо, продолжая сжимать мои уже нывшие плечи. Он не делал мне больно, но скопившееся во мне напряжение поневоле начинало скручивать мышцы.

— Нанёс бы визит вежливости этому Алексееву.

Я прикрыла глаза, едва заметно кивнув. Спасибо ему хотя бы за откровенность.

— Но дело не в том, что сделал бы я, — его пальцы чуть сильнее впились в мои несчастные плечи. — А в том, как поступила бы ты.

Ответ я прочла в его глазах прежде, чем он мне его озвучил:

— Ты бы уволилась, Лиля. На следующее же утро.

Я медленно кивнула:

— Всё верно. Ты и не подумал бы оставить выбор за мной. Никогда не поверил бы в мою способность самой разобраться с этой проблемой...

— А как ты с ней разбиралась? — хищно прищурился он. — результаты твоих стараний оказались, мягко говоря, противоречивыми.

— То есть тебе невдомёк, что женщины ведут себя и действуют по-другому? Обычно мы не срываемся по первому же зову своего первобытного «я» бить морды и жечь за собой все мосты, наплевав на то, кто на каком берегу оказался!

— Ну да. Как это я мог забыть, — он снова легонько меня встряхнул и отпустил, скривив губы, будто теперь ему было неприятно меня касаться. — Ты поступила по своему разумению. Отблагодарила дарящего и закрыла вопрос. А мужу о твоих методах знать необязательно!

Эти слова словно бритвой меня полоснули — настолько острой, что в первые секунды даже невдомёк, насколько глубоким оказался порез.

Я размахнулась и, вложив в удар все свои силы, вlepила мужу пощёчину.

Ему бы хватило времени уклониться. Но он не стал этого делать.

Я отдёрнула руку. Он резко выдохнул.

— Сволочь... — шепнула я, схватила полусобранную сумку, сгребла в неё вывалившиеся вещи и вылетела за дверь.

Глава 15

— К-как? Вот просто к-как можно б-было... — я снова ревела. Но на этот раз в открытую и совершенно не заботясь о том, как непрезентабельно выгляжу

Потому что ревела я на кухне у лучшей подруги, которая не приметя поджимать губы, не осудит и не выставит за порог.

Светка заботливо подсовывала мне бумажные полотенца и время от времени подливала в кружку травяной чай. На её веснушчатом лице отражалась искренняя забота. В некотором смысле она дарила мне то, чего не могла мне дать даже родная мать, оставшаяся глухой к моим переживаниям.

— Лиль, ты отпей ещё, а? Отпей, отпей. Может, не сразу, но полегчает.

Я послушно припала к кружке, глотая душистый отвар и почти не чувствуя вкуса.

— Так а как...

— Я н-не зна-а-аю... — выдохнула я, переводя дыхание, — я понятия н-не имею, кто ему всё так перевернул. К-кто всё так извратил... Ты представь, я... У меня даже слов не нашлось... Я не знала, с чего начинать оправдываться.

Оправдываться перед изменщиком! Где это видано?

Правда, об измене Германа я и Свете не рассказала. Что-то по-прежнему железно удерживало меня от того, чтобы об

этом распространяться. Подруга знала лишь, что мы разру-
гались в пух и прах из-за проклятого корпоратива.

Мне ещё только предстоит разобраться в том, почему, со-
вершив недопустимое, Герман по-прежнему винил во всех
бедах *меня*! Он чего-то недоговаривал. И это что-то было
настолько важным и весомым, что позволяло ему вести се-
бя подобным образом. До того, что наш последний разговор
почти не проливал свет на его шашни с Мариной, а стал пе-
речислением моих мнимых грехов!

— Погоди, — Света уткнулась взглядом в столешницу,
пытаясь припомнить. — Да в нашей лавке-то и нет никого,
кто может водить знакомство с твоим мужем. Мы же птицы
совсем другого полёта. Милованов же не может?

Фамилия владельца нашего цветочного магазинчика за-
ставила меня ненадолго прервать свои судорожные попытки
восстановить дыхание.

— Н-нет. Ни с кем из... из нашего коллектива его н-не
знаком. Я бы знала.

— Хм-м-м, — протянула Светлана, протянув мне свежее
бумажное полотенце. — Ну... ладно. Оставим этот вопрос
открытым. Давай пройдемся по очевидному. Что такого этот
некто мог ему рассказать?

Я дёрнула плечами. Я и сама который час перебирала в
голове все возможные варианты.

— Ничего ведь из ряда вон не происходило. Ну да, Алек-
сеев за тобой, как обычно, весь вечер увивался. Но ничего

лишнего себе не позволял. И Алексеев... ну, он же как пудель. Он же совершенно безвреден!

— Да уж, — шмыгнула я носом. — Ты это моему мужу скажи.

— Слушай, а что он тебе в конце концов-то вменяет?

Я промокнула мягкой бумагой безобразно распухший нос:

— Алексеева и вменяет. Платье припомнил. И моё состояние.

— Уф-ф-ф, — Светка закатила глаза. — А ты ему об этом не рассказала.

Она даже не спрашивала. Она уже поняла.

— Свет, да н-не могла я ему всё как на духу рассказать. Он бы меня задним числом заставил уволиться. А мог поступить и ещё хуже. Применил бы свои связи. Прикрыл бы наш магазинчик — и всё.

И лишил бы работы сразу нескольких человек, включая мою лучшую подругу. Я не могла быть уверенна на все сто, что именно так он и поступил бы. Но сейчас готова была поверить и в это. Разгневал Ахматова — пеняй на себя. Он никого не щадил и пленных не брал. Мой муж вырос в жёстком окружении и верил в то, что свои права и место под солнцем нужно отстаивать только силой. Не отстоял — слабак и жалости не заслуживаешь.

— Н-да-а-а...

— Да он и не поверил бы. Герман, только представь,

я отрубилась прямо посреди вечеринки, — спародировала я свой фальшиво жизнерадостный тон. — Понимаешь ли, очень устала, присела в кресло и отключилась! С бокалом шампанского в руке. А он опрокинулся и залил моё платье. Вместо него я напялила очень кстати пришедшийся подарок Алексеева. Кто такой Алексеев? Ах, да ничего особенного! Просто мужик, который решил за мной приударить и не понимает слова «нет».

Светлана хмыкнула в ответ на мою импровизацию.

— Отлично звучит, правда? — я взглянула на подругу в абсурдной надежде, что она скажет, мол, объяснение как объяснение.

Но мы обе слишком хорошо понимали, что это не звучало как полный бред только для тех, кто был свидетелем произошедшего.

— Надо же было всему так запутаться... — наконец вздохнула подруга и потёрла плечо под рукавом своей цветастой футболки.

— И это я ещё о самом щекотливом умолчала, — кисло отозвалась я.

Света подняла на меня взгляд.

Она поняла, о чём я говорила.

Глава 16

— Ну, справедливости ради... — начала было Света, но я покачала распухшей от тяжких раздумий головой.

— Нет, Свет, ты просто пойми — тут как не описывай, кошмар получается. Я ведь едва помню, как до диванчика в нашей комнатке отдыха дотащилась. Точнее... как *Алексеев* меня туда *дотащил*! А очнулась я спустя примерно час после того, как отключилась. Сонная, с чугунной головой и пропахшая залившим платье шампанским. Зато накрытая пледом.

— Заботливый ухажёр, — невесело пошутила Света.

— Не то слово, — я снова шмыгнула носом. — Представь. Не сама дотащилась туда. Довели! И мне хватило ума переодеться в это чёртово платье. Ещё радовалась, что не додумалась его в мусорное ведро выкинуть, чтобы Алексеев наконец сообразил, что подбивать ко мне клинья бесполезно.

Я тихонько вздохнула и покачала головой, дивясь собственной тогдашней безмозглости:

— Но я же взрослой себя посчитала. Мол, ни к чему сцены устраивать и все эти театральные жесты. Платье можно и сдать, оно свою покупательницу найдёт.

Но я зря понадеялась, что Герман не заметит нового наряда — отдёргнувшаяся пола плаща сыграла свою роковую роль. И это сейчас я понимала, как неосмотрительно посту-

пила. А в тот вечер я только и думала о том, как избавиться от запаха пропитавшего ткань шампанского. Меня от него буквально мутило!

Светка вздохнула со мной в унисон:

— Выходит, куда ни кинь — везде клин.

Я молча признала её правоту, но разве от этого легче? Разве легче от того, что трезво оцениваешь ситуацию? Вот мне, например, легче от этой ясности ничуть не стало.

Да, я понимаю, что по факту ни в чём не виновата. И кто бы чего ни наплёл моему мужу, в приступе мести скатываться до измены — это просто последняя подлость...

Зато, как ни крути, это давало ему возможность выторговать для себя иллюзорное оправдание. Ты, мол, пустилась во все тяжкие — будь готова к последствиям.

Никогда даже в самом своём жутком кошмаре не смога бы вообразить, что мой муж способен на подобное.

— И я никогда не смогу этого Герману объяснить, — озвучила я подруге продолжение своих мрачных мыслей. — Никогда не смогу объяснить это так, чтобы объяснения не звучали подозрительно. Особенно сейчас, когда он уже откуда-то знает, что я ему многого не рассказала. Просто... ну как я могла предугадать, что меня вот так вырубит? С алкоголем я очень на вы, но не настолько же... Грешу на усталость и недосып.

— Алексеев ещё этот, — подруга пристукнула кулаком по столу. — Пользуется тем, что он родственник нашего Мило-

ванова. И ведь не погонишь его оттуда.

— Как ты его погонишь, если у него доля в бизнесе? — кисло напомнила я и допила свой почти остывший чай. — Да и не волновал бы он меня с его подарками дурацкими, если бы не всё это безобразие. Господи, ну вот кто? Кто мог Герману всё разболтать? Ума не приложу.

Светка плеснула мне в кружку свежего чая и как бы ненароком придвинула ближе тарелку с медовыми пышками. Всё надеялась разбудить во мне аппетит.

— Да тут нужно целое расследование проводить, — проворчала она. — Я сама понять не могу, кому моча, прости господи, в голову стукнула? Хотя с другой стороны...

Она замолчала, привлекая моё внимание.

— Что? — встрепенулась я, в надежде, что у неё появилась удобоваримая версия.

— Лиль, вас же все вокруг ненавидят. Извини, грубо, наверное, прозвучало, но ты понимаешь, о чём я.

Я попыталась сглотнуть образовавшийся в горле комок.

— То есть хочешь сказать, желающие нашлись бы...

— Да меня скорее удивляет, как вы вообще три года продержались, и никто вам не навредил. Но вот если серьёзно! Твоя родня была категорически против. Его родня — и недавно. Все его друзья до сих пор на вас косо смотрят. Кто-то завидует, кому-то этот брак далеко идущие планы сломал. Это ж кошмар, Лиль. Я бы так не смогла. Это ужасно, но... ну, понимаешь, неудивительно.

Слова лучшей подруги тяжким грузом опустились на мои бедные плечи. Я поникла и спрятала лицо в ладонях, но плакать больше не могла — сил не осталось.

Её тёплая ладошка опустилась мне на лопатку и осторожно погладила:

— Лиль, ну прости. Не хотела напоминать.

— Н-нет, — замотала я головой. — Нет, Свет, ты всё верно сказала. Об этом нельзя забывать. Нельзя забывать, что наш брак — объект всеобщей ненависти. Вот только...

Пришлось переждать, пока скрутивший горло спазм позволит снова заговорить.

— ...только я думала, мы в этой войне по одну сторону баррикад. А оно вот как получилось...

И я бы, наверное, разревелась, хоть и думала, что уже не смогу, но отвлёк телефон. Я вздрогнула от входящего и похолодела. Неужели снова муж со своими угрозами?

Но нет.

На экране высветились фамилия и имя звонящего: «Самарин Андрей».

Глава 17

— Уж думала, и не заглянешь, — мать приобняла его за плечи и поцеловала в щёку. От неё пахло лёгким цветочным парфюмом и выпечкой. Уютное сочетание запахов, которое в любое другое время легко настроило бы его на благостный лад. Но не сегодня. И, может быть, даже не в ближайшем будущем.

— Спасибо за цветы, дорогой. И за подарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.